

МАЯКОВСКИЙ ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом. Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнение мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина — село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия. Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна.

Сестры:

а) Люда.

б) Оля.

Других Маяковских, по-видимому, не имеется.

Первое воспоминание было таким:

Отец выписал журнал «Родина». У «Родины» «юмористическое» приложение. О смешных говорят и ждут. Отец ходит и поёт своё всегдашнее «алон занфан де ля по четыре». «Родина» пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору: «Как смешно! Дядя с тётёй целуются». Смеялись. Позднее, когда пришло приложение и надо было действительно смеяться, выяснилось — раньше смеялись только надо мной. Так разошлись наши понятия о картинках и юморе. Другое воспоминание - Лето. Приезжает масса. Красивый длинный студент — Б. П. Глушковский. Рисует. Кожаная тетрадица. Блестящая бумага. На бумаге длинный человек без штанов (а может, в обтяжку) перед зеркалом. Человека зовут «Евгенионегиним». И Боря был длинный, и нарисованный был длинный. Ясно. Борю я и считал этим самым «Евгенионегиним». Мнение держалось года три. Помню ещё такое: Потрясающее количество гостей. Накапливаются именины. Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню — специально для папиных именин:

Как-то раз перед толпою Соплеменных гор...

«Соплеменные» и «скальы» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо её ненавидеть. Мое первое увлечение настоящим футуризмом произошло ещё в детском возрасте. И футуризм я имею в виду не поэтический, а настоящий - футуризм промышленный. Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, одёрнул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман и боль. В расступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клёпочный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь. Тогда я ещё даже читать не умел. А учился я так: Учила мама и всякогородные сестры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счёта. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием. Потом я поступил в гимназию. Меня чуть не выперли из-за проваленных экзаменов по православию. Из-за этого возненавидел всё древнее, всё церковное и всё славянское. Ещё одно яркое воспоминание - смерть отца. В 1906-м году отец укололся ржавой иглой. Быстро развилось заражение крови и он скоропостижно скончался. С тех пор я стал одержим чистотой и боялся крови. Двери я открывал только через ткань, постоянно мыл руки. Булавки, заколки и иголки стали вызывать у меня ужас. После этой трагедии семьей переехали в Москву. Жили в настоящей нищете. Поступил в какую-то гимназию, но меня выперли. На обучение не хватало денег.